

ЛЕНИН И ПУСТОТА

1. Новое подполье Ильича

Чернышев: Сегодня утром я вдруг осознал, что В.И. Ленин родился в 1870 году, значит, грядет столетие, и надлежало бы пропагандистским органам терзать наш слух каким-нибудь традиционно-мобилизующим постановлением типа "Тезисы к 120-летию со дня рождения...", где говорится, как положено, что, с одной стороны, мы бодро идем вперед курсом, предначертанным великим вождем, что, с другой стороны, понятно, кое-где порой еще имеются отдельные недостатки и узкие места, но система в целом...

Криворотов: Неудержима.

Чернышев: Неудержима совершенно, как ни держали. Однако на горних идеологических высях стоит какая-то благодатная тишина. Вместо этого кругом слышится стук отбойных молотков: демонтируют памятники Ильичу во всех странах и городах, ставят на их место Чингиз Хана и вообще кого угодно. У нас в первопрестольной, правда, на Октябрьской площади пока еще стоит, но это памятник не человеку, а пресловутому "застою". В общем, никто не решается высунуться из окопа и разразиться подобающими здравицами. На будущий год, если продолжить тенденцию, празднование дня рождения Владимира Ильича уже должно проходить нелегально, в подпольной типографии, все будут чокаяться стаканами, обернутыми тряпочкой, чтобы, не дай бог, никто ничего не узнал, в газетах бы ничего не пропечатал.

Криворотов: Ну да, Сталина просто дезавуировали, а что касается Ленина, я думаю, его ожидает та же грустная судьба, когда то, что сейчас муссируется интеллигенцией, станет достоянием масс – а это рано или поздно произойдет. Это недифференцированное, чисто эмоциональное неприятие Ленина, который отождествляется, – и, в общем, недаром, – с существующей системой, приведет к тому, что рано или поздно оно распространится в той или иной форме через каналы массовой информации и последняя идеологическая опора будет размываться. Идет очевидный откат. Другое дело – из положения фактически святого он скорее должен бы быть преобразован не в злодея, а в фигуру крайне трагическую, в каком-то смысле действительно виноватую. В каком смысле действительно виноватую? В чем его роль? Что это за фигура? Как к нему вообще можно относиться? До этих вопросов дело еще дойдет, но не скоро. А пока просто констатируют анамнез. Призывали? Призывали. Делали? Делали. Вот и все! – то есть фактическая сторона дела говорит сама за себя. Свидетели есть, предупреждали. Что такое коммунизм по Ленину – тоже предупреждали. НЭП? – там, во-первых, все очень неопределенно, во-вторых, – есть достаточно жесткая официальная точка зрения, что все это просто облапошивание буржуев: ошибочка вышла, перестарались, почти всех перестреляли раньше времени, кормить народ стало некому, – значит, надо было буржуев временно отпустить напоследок порезвиться, чтобы они еще немножко поработали, – а потом у них все это отобрать. По крайней мере, это популярная точка зрения, которая в свое время была абсолютно бесспорной, и я прекрасно помню, что когда я был маленьким, я так и считал.

Чернышев: Так нас учили.

Данный текст готовился по заказу "Литературной газеты" к 120-летию со дня рождения Ленина. Он представляет собой стенограмму беседы с Виктором Криворотовым, состоявшейся 19.03.90, в которую добавлены фрагменты стенограммы заседания клуба "Гуманус" от 21.03.90 г. Материал был готов к назначенному сроку, но редакция отказалась его печатать, сославшись на запрет Отдела пропаганды ЦК КПСС. Только через год, в апреле 1991 г. в ЛГ появился вариант с многочисленными цензурными купюрами под заголовком «Загадка Ленина». Текст без купюр напечатан в середине 1991 г. в книге «Второе пришествие».

Спустя 8 лет текст беседы был воспроизведен в «Русском журнале» (http://www.russ.ru/ist_sovr/99-04-22/chernysh.htm). По сравнению с печатной, в электронной версии возвращено первоначальное название и добавлены подзаголовки смысловых разделов.

Криворотов: Я думаю, тут почва вполне достаточная. На месте железного вождя, который все время хронически прав, возникает фигура политического злодея, фанатика, из загадочных соображений приносящего зло. Фигура Сталина имеет, по крайней мере, характер человеческий, это был просто тиран – знакомо и понятно.

Чернышев: Жизнь любил, курил "Герцеговину Флор", пил "Киндзмараули", а этот – сухарями питался: и сам не жил, и другим не давал.

Криворотов: Видно, что Сталин был человек при власти, удовлетворенный, черты человеческие в нем довольно-таки сильно сейчас видны. Конечно, очень плохой человек. А что касается Ленина, – там какая-то загадочная возникает ситуация: человек абсолютно непонятно зачем сломал кусок русской истории, просто потому, что во что-то такое верил.

2. Русский – не читатель

Чернышев: Ну, это ты сейчас говоришь от имени неких интеллигентов, которые не столько рационально разбираются, сколько хотят как-то облечь в рационализированные термины собственное "нутряное" отношение. А нутряное отношение движется совершенно непостижимо в этой загадочной стране. То есть сначала идет иррациональное приятие – все равно же никто по существу не разбирался, к чему он призывал, никто не читал ни "Развития капитализма в России", ни "Материализм и эмпириокритицизм", – просто у нас был дедушка Ленин, мы его любили, обожествили, в Мавзолее похоронили. А сейчас опять наступает момент, когда точно так же, не разбираясь, не читая того, что он писал, не вслушиваясь в лепет любителей рациональных аргументов, массы вдруг начинают ощущать, что он очень плохой, что надо его ненавидеть, отвергать и с криками "Банзай!" выносить из Пантеона. Сейчас ты пытаешься рационализировать то, что интеллигенты чувствуют, а интеллигенты опять-таки не разбираются с содержанием его реальной позиции, не разбираются с тем, за что он был, против чего, из чего он исходил, – они лишь пытаются задним числом примыслить к этому нутряному приятию-неприятию какие-то аргументы. Эта внешняя, вроде бы рациональная верхушка кампании – на самом деле не более, чем "рациообразность". На самом деле идет непостижимое, inferнальное, иррациональное отторжение. Человек сначала принимается без разбору, обожествляется без разбору, без обращения к сути дела, потом он в какой-то момент точно так же без лишних разбирательств отторгается, так же свергается с небес на землю и далее проходит полную фазу от бога до человека, потом оттуда к дьяволу, но при этом никто так, в общем, и не задается целью выяснить, что там было за содержание и зачем оно.

Криворотов: Ишь чего захотел, обращения к сути дела! Ты прав, это классический компенсаторный механизм, свойственный традиционному обществу. Оно всегда ищет внешнюю причину того, почему с ним плохо. Нужно найти виновника, и тогда общество с себя снимет психологическую тяжесть: оно-то уж не виновато во всем этом! Плохой Ленин. Это он все сделал, а мы на самом деле хорошие. Сказать это – и всем станет сразу легче. Другое дело, что разбираться будут – если будут – много позже.

Чернышев: Для нас это традиционно: сначала выкидываем, потом будем разбираться...

Криворотов: Сейчас вообще происходит довольно-таки естественная, но странная история с социализмом: позиции его во всех так называемых странах социализма, я бы сказал, хуже некуда. В странах Восточной Европы это слово нельзя произносить – просто гонят с работы. В нашей стране такого пока нет, но на самом деле настроение такое же. Используют это слово для того, чтобы сказать что-то совсем другое. Понятно, что просто пока еще используется термин, а на самом деле идет откат, жуткий откат. С другой стороны, в Западной Европе – совершенно другая ситуация. Например, Вилли Брандт и многие другие считают, напротив, что социализм – доктрина, которая сейчас во многом даже не имеет альтернатив.

Чернышев: Вопрос в том, что происходит с Лениным и с "социализмом" в нашей стране во многом сводится к вопросу о "загадочном русском характере", при этом Ленин выступает в качестве очередной мишени или оселка, на котором этот самый характер, эта непостижимая российская душа обрабатывает свой испытанный вариант: принимаем, обожествляем, а потом и выкидываем, так и не разобравшись.

Криворотов: Очень загадочная.

3. Ариман кинул Ормузда

Чернышев: Понятно, что загадочного ничего нет, но в данном случае он, этот российский характер, является хозяином положения. В плане спасения образа Ильича удачный прием был подсказан журналом "Родник". "Ленин-Сталин", статья почти гениальная, помнишь? В каком-то глумливом, развеселом, разухабистом стиле человек пишет вот о чем. Ленин-Сталин – автор с детства воспринимал это как одно слово, без дефиса. Когда он был маленький, то думал, что это одно слово, одна фамилия, один человек. Потом, много позже, выяснилось, что их, оказывается, было двое, но на самом деле это нерасторжимое целое, это монолит, совершенно несокрушимый, они родились вместе, вместе ходили кушать и не только – одним словом, сиамские близнецы. И вдруг в последнее время выясняется, что вроде как Сталин был плохой и он был отдельно, а про Ленина вроде пока не говорят, что плохой. Это гениальная диалектическая двойная схема, давайте мы ее отработаем полностью. Раздваивается этот образ, – и все поляризуется: злодейство, мерзости все, ошибки, заблуждения отходят к черному полюсу Сталина – он злой гений, а все хорошее остается на светлом полюсе Владимира Ильича. Когда эта поляризация доходит до пределов, и плохой полюс окончательно покрывается грязью, – мы быстренько расстригаем слово "Ленин-Сталин" пополам и плохую половинку выкидываем, отвергаем, топчем, говорим: "Вот он, падший ангел, вот эти силы зла", а на втором полюсе остаются все наши нетленные идеалы, которые автоматически отмыты, потому что все плохое для страны – ошибки, заблуждения, отклонения, узурпации, искажения – осталось на одном полюсе, а на другом все прекрасно. И вот автор предлагает (он, конечно, глумится) в качестве рецепта быстренько из корзины нашего дирижабля или стратостата, раскачав за ноги, выкинуть Иосифа Виссарионовича, но сначала надо на него все абсолютно грехи навешать, все, что только было, – и тогда очистится второй образ.

А кончается статья тем, что он многозначительно намекает: давайте посмотрим все-таки еще раз на профили Маркса и Энгельса. Ну, смотрите, один – косматая всклокоченная борода, стихия, "отвагою блистает взор орлиный, а руки он простер взволнованно вперед и т.п.", – а другой какой-то постриженный, образцовый, тошнотворно положительный – воплощение немецкого орднунга. Вам не кажется, что это две противоположности? И ведь правда, вот один – непостижимый, непознаваемый, гений, порывы всякие мятежные, а другой – зануда, общность жен там у него унылая в "Принципах коммунизма", так нельзя ли их как-то разграничить (Вам это ничего не напоминает? Ничего?), нельзя ли как-то поляризовать аккуратненько с тем, чтобы все отходы отгрести к этому, с гладкой бородой, который истинный ариец. И выяснится, что марксизм спасен, все прекрасно, что это гениальная зороастрийская схема – Ормузд и Ариман. Давайте мы все мокрые дела повесим на Аримана – и долой его...

Так вот, сейчас эта схема не проходит. Вроде очистили уже светлый образ, пришив всех собак Иосифу Виссарионовичу, раскачали, выкинули из гондолы. Ан нет, стратостат опять начинает куда-то опускаться... Вроде бы он должен взмыться в небеса, а не сработало, почему? Может, сатисфакция пока недостаточна? Может, еще человек пять осудить?

4. Ритуальное осквернение святынь

Криворотов: Как ни странно, я считаю, что дело даже не в том, что "левые" не до конца охаяли, затоптали вождя. Как ни странно, на мой взгляд, здесь очень сильна роль "консерваторов". Видишь ли, Ленин – это фигура давняя и дальняя, что-то вроде символа, и к нему нет живого отношения. А к Сталину есть живое отношение, причем у очень многих Сталин отождествляется со страной, державой. И даже если возникает откат и люди начинают понимать: Сталин нехороший, людей убивал, – это исходное представление о стране, тождественное со Сталиным (Сталин выиграл войну и т.п.), исходно-подсознательное, положительное отношение, которое вбивалось в культуру очень долго, оно как-то внутренне протестует против такой несправедливости. Если поднять человека среди ночи с постели, он четко скажет, что Сталин был последователем Ленина – это в людях очень сильно сидит. Дело даже не в том, что нельзя все повесить на фигуру Сталина. Сталин как личность – он сам по себе, бог с ним. Но с его фигурой очень многое в биографии нашего государства связано, так уж жизнь распорядилась. То, что на самом деле Сталин все здесь построил – это вбито в людей, заложено с рождения, тут ничего не поделаешь. Сталин сделал эту страну – и противоречия доктрины никого не волнуют. Да, конечно,

он при этом как-то закрепощал, злоупотреблял, и, в конце концов, когда начинают людей убеждать, они со всем соглашаются, но какой-то такой внутренний шепоток все время слышится: "Ну, а войну-то выиграла". Возражают: "Да не благодаря выиграла, а вопреки!" "Да, конечно, ну а вот "За Родину, за Сталина" – с этим как же?" Все основание жизни советской связано со Сталиным. Если из нашего общества Сталина вынимать, то просто ничего не остается. Поэтому тут имеется подсознательное понимание, что сталинизм – это основа. А отсюда уже и ощущение несправедливости: за что человек страдает? Да, он плохой, но не он же первый это начал. Особенно в этом смысле откровенны люди, которые к Сталину относятся хорошо, т.е. сталинисты. Среди них довольно массовым является настроение следующее: а что Сталин, а что вы на человека напустились, он просто воплощал дух и букву учения Ленина. Ну, перегнул где-то, и вообще, в конце концов, если Сталин плохой, то Ленин первый виноват. Да, Сталин был тиран...

Чернышев: Ну, вот я и поймал смысл этого монолога. Ты хочешь сказать, что Ильича просто решили замарать сталинисты по принципу: ах, вы нашего обидели? – тогда мы вашего обидим!

Криворотов: Ну, да, они говорят: он вовсе не виноват, он просто был честный человек, который воплощал доктрину в действительность. Доктрина была плоха, а ее выдумал как раз вот этот. Понимаешь, у нормального сталиниста, почему он и сталинист, говорит личное отношение, а не доктрина и не идеология. А что такое Ленин? Да Ленина никто не помнит...

Чернышев: Я думаю, что сейчас бочка, которую покатали "демократы" на Ленина, имеет совершенно другую природу. Для них Ленин действительно неживая фигура, тождественная самой сердцевине системы и ее основополагающим принципам, поэтому эта атака означает доведение линии до логического конца, осквернение святынь – типа сжигания знамени. Они долго говорили, что у нас построен вовсе не социализм, – но это абстракция какая-то, а для трудящихся символом социализма и основой нашего строя является Владимир Ильич. Афанасьев вряд ли является тем, кто очень обиделся за Сталина и решил в отместку замазать Ленина. Он скорее решил поджечь крышу языческого храма.

Криворотов: Да, правильно, я думаю, что может возникнуть странное такое совпадение, при котором "левые" и "правые" объединятся в отрицательном отношении к Ленину. Десталинизация для правых невозможна, и Сталин как реальная фигура, которая оставила огромный отпечаток, из этого общества не исчезнет, это совершенно точно. Он, как Гитлер в Германии, возродится под другими личинами. А отыграются "сталинисты" на Ленине, тем более, что фигура какая-то уж очень безжизненная.

5. Где хозяин горячей избы?

Чернышев: Хорошо, эту линию мы наметили, а теперь зададимся другим вопросом: в таком случае, какую ценность могут иметь и кому могут быть адресованы рассуждения, исходящие из существа дела, из содержания того, что Ленин писал и предлагал? Кому они могут быть адресованы, кого и в чем они могут убедить? Задавая эти вопросы, я не имею в виду ответ "нет", ничего подобного. Какое место вообще в борьбе вокруг Ленина могут иметь аргументы, идущие от содержания его идеологии, его политики, динамики его практических позиций? Есть кто-нибудь, кто из этого исходит, кого это интересует? Правые, левые, трудящиеся, идеологи, практики, – кому именно адресованы эти аргументы, эти козыри? Еще раз говорю, я вовсе не имею в виду нигилистическое "нет, никому это не надо".

Криворотов: Я скажу, я бы это назвал – молчаливое большинство. Без всякого сомнения, на народ все то, что происходит, действует, – образы Ленина, Сталина сильно развенчаны. Но ты знаешь, тут начинает с некоторого момента работать один механизм. Сейчас он работает у людей подсознательно, а в дальнейшем он выйдет на поверхность. Видишь ли, сейчас мы готовы выбросить свою историю. Когда выплеснулась уродливость всего того, что произошло, возникло сильнейшее желание откреститься от этого: не мы! не мы! чур меня! это все не мы, а какие-то злые люди! И на этой волне вполне естественно дойти в отрицании до конца. Поскольку личность-то своя всегда дороже, срабатывает охранительный инстинкт – круши всех, обвиняй всех. А дальше вступает в действие другой механизм. Какой? На уровне полуинтеллигентной публики у людей возникает комплекс, потому что ведь они понимают, что это все наше, наше, что так просто не открестишься. Возникает ощущение обиды. Поскольку открылись информационные шлюзы, от

вождей постепенно начинают переходить к системе, потом к истории. Как же так, почему же у нас все плохие? Сталин-то даром что инородец – но ведь, вспомните, как про Россию хорошо говорил... Ленин тоже вроде такая фигура, все им гордились, национальный герой, потому что ассоциируется с национальным моментом. Ведь недаром же "патриоты" у себя вешают портреты Столыпина вместе с Лениным. По какой причине? Потому что это свое, наше, национальное. И когда начинается тотальное отрицание крупных исторических личностей, то через некоторое время выясняется, что вместе с личностями так или иначе бросается тень на то, что их породило, а это, естественно, вызывает комплекс неполноценности. То есть по мере того, как тотальное отрицание истории становится все более сильным, возникает обратная реакция, порождаемая обидой. Как же так: вот, войну выиграли, великая держава, вот революция была, за нами все шли, к нам все ехали, мы были великими. Ну, ладно, Сталин был плохой, но что-то же в этом все-таки было! – такие вот бессильные возгласы. Как же так, ведь было же у нас, помимо черных полос, и что-то положительное!

Чернышев: То есть заказчиком такой аргументации являются люди, у которых тотальное развенчание ценностей вызывает ощущение, тривиально говоря, что "наших бьют", а по большому счету они не хотят с этим расстаться, им страшно, вождь занимает место важного кирпичика в основе их мироздания. Вообще-то не столько дорог он сам, сколько все, что он подписывает. А то, что он подписывает, тоже не столько дорого само по себе, сколько потому, что является условием их душевного комфорта. Они в общем против такого развенчания, они хотели бы остановиться на отдельных недостатках, они даже готовы сбросить Сталина, но хотели бы, чтобы что-то нетленное осталось. Нужно основополагающие ценности сохранить, а приписать все грехи другому.

Криворотов: Удобно просто маленько покаяться, но вычеркнуть кусок истории – это слишком тяжело. Надо что-то признать, чтобы комфорт душевный восстановить, иначе полностью теряется ориентация в мире. Особенно когда выясняется, что на Западе все лучше и т.д. Люди дезориентированы. Фактически, я бы все это сказал одной простой фразой. Люди полностью дезориентированы вываленной сейчас на них отрицательной информацией, и внутренне они ждут каких-то опорных точек, которые вернут им разрушенный мир. Ну, пусть он будет другой, но, по крайней мере, он будет им в какой-то степени знаком, приемлем. Вопрос конструктивности, вопрос какого-то восстановления видения мира через некоторое время встанет во весь рост, потому что чисто отрицательное вываливание правды об этом времени играет роль расчистки поля.

6. Поджигатели

Чернышев: Тогда обратимся к следующему вопросу: а кто же заинтересован в том, чтобы идти до конца в тотальном разрушении ценностей? Таких людей, которые добровольно разрушали бы собственные ценности до конца, в чистом виде трудно себе представить, это мазохизм. Значит, это те люди, у которых де-факто уже сложилась иная система ценностей, а прежняя для них является лишней обузой, пугалом или той грушей, на которой они тренируют свой боксерский удар. Это люди с западной системой ценностей – другой-то нет (есть, конечно, люди в ашрамах, с экзотической восточной системой, но они другим заняты, в эти игры они не играют). Тотальным саморазоблачением заняты те, кому хочется как можно быстрее "воцарить" новую систему ценностей, а таковых, как это ни странно звучит, меньшинство.

Криворотов: Конечно, ты совершенно прав. Просто это какая-то часть элиты, довольно значительная, западная, с четкой западной ориентацией. Их все это, в общем, не волнует, а скорее злит. А весь прочий народ, который не имеет ничего взамен, просто рано или поздно взъерепенится, потому что у него все порушили, а взамен ничего не дали, причем порушили те же, которые еще недавно все это дело возвеличивали. «Конечно, – скажет народ, – вы сначала лизали кое-что властям, вешали трудящимся лапшу на уши, а теперь наоборот. Как же так, выходит, все было плохо, все были плохие? Вроде как и мы плохие?»

7. Живое творчество соотечественников Великого Инквизитора

Чернышев: В таком случае остается только добавить сюда те соображения, которые мы уже выработали в первой беседе, и потом все в целом привести в систему.

Чтобы не пропал тот разговор, я просто напомню, о чем шла речь¹. Был бердяевский посыл, состоящий в том, что для осуществления грандиозных революций и решения великих задач, необходимо иметь великий творческий потенциал, потому что силой творящей, производящей и движущей являются акты творения и их творцы. Но ежели в тот момент, когда ситуация вызрела и добру пора осуществить свое дело, в истории не обнаруживается необходимого творящего материала, то это развитие приобретает форму революции, т.е. вторгаются иррациональные силы и добро осуществляется, но силами зла. Это означает, что если в обществе велик творческий потенциал, то, в принципе, оно может решать великие творческие задачи без революций, без надрывов и прорывов, – за счет динамичной эволюции. А в том положении, в котором мы находились, когда мы попытались совершить наш гигантский скачок, было совершенно понятно, что у нас нет никаких ресурсов, надо приглашать наемное войско сил зла, – с рогами и копытами, с вилами, и всеми прочими атрибутами.

Дальше встает вопрос о творчестве и творцах в российской истории. Творческий потенциал надлежало реализовать в обществе, которое является родиной Великого Инквизитора, которое всячески истребляет всех этих творцов, их творения и свободу как таковую. Какая свобода, братцы? Мы находимся, если верить литературе, именно в том обществе, где, как только ее немножко появляется, все с плачем бегут ее кому-нибудь сдать и обменять на харчи. Далее, великая идея тотального скачка к социализму в отдельно взятой стране состояла примерно в следующем. Мы находимся в таком патриархально-далеком прошлом, что оно диалектически напоминает пасторально-далекое будущее. О далеком будущем мы знаем очень мало, и в частности, ничего того, что его отличает от прошлого, мы не знаем. Мы знаем про будущее только то, что с прошлым его связывает. Отсюда возникает иллюзия, что, собственно, никакого различия нет, мы уже почти в светлом будущем, и остались мелкие детали: надо убрать кой-какие силы зла, устранить препоны, порушить кой-чего, поломать, а все остальное – это и есть будущее: общинный золотой век, прирожденные бородатые социалисты, алюминиевые табуретки из снов Веры Павловны... То есть будущее автоматически возникнет путем отламывания от прошлого чего-то не совсем хорошего. Это великая парадигма российской культуры, о которой идут непрерывные споры.

Криворотов: Нужно разрушить настоящее и вернуться в прошлое, таким образом и попадем в будущее.

Чернышев: В этом смысле Россия в тот период была дважды осуждена на то, чтобы только таким путем и развилась эта самая революция. Здесь в общем-то не было достаточных творческих производящих сил, их не хватило бы даже для самой худосочной, тощенькой эволюции, а требовалась ведь совершенно грандиозная революция, потому что мы подзастряли где-то там в XII-XIV веках, структуры наши были жутко архаичны, и вроде бы все говорили, что требовался какой-то головокружительный прыжок через капитализм, абсолютизм, по-видимому, через феодализм, и как раз народники к этому призывали, и вроде бы Маркс им тоже поддакнул, что нужно, используя структуру, являющуюся прообразом далекого будущего, минуя все необходимые этапы, каким-то образом постараться двинуть к этому будущему в обход всех классических структур. То есть налицо была, с одной стороны, грандиозная задача, которая требовала невероятного творческого фонтана, а с другой стороны, отсутствовал даже слабый ручеечек. Надо было нанимать рогатых. Всякий, кто брался за эту работу, должен был обращаться именно туда.

Мы говорили о том, что, в принципе, в зависимом-то развитии, когда уже имеется кто-то, кто живет в будущем, кто прорвался на следующий этап развития, – такой прорыв, прыжок через этапы становится возможным. Тогда начинает работать принцип Чернышевского: "Будущее – светло и прекрасно, берите из него, перетаскивайте в настоящее все, что только можете". Мы же немножко этот принцип переделали: "Будущее светло и прекрасно, поэтому берите настоящее и истребите в нем все то, что, как вы считаете, не относится к будущему и мешает его достижению". Оставшееся и даст будущее, – что, в общем, вызывает некоторые сомнения, потому что истребление нам неизменно удавалось блестяще, а то, что оставалось, почему-то не радовало.

---

¹ Запись первой беседы не сохранилась.

8. Первородный грех русского марксизма

Чернышев: Далее выяснилась такая интересная особенность, что на первых русских марксистах с самого начала, как на Адаме, изгнанном из рая, лежит грех: Плеханов был исторгнут из марксовского рая, поскольку ослушался заветов Маркса-отца, содержащихся в ответе на письмо Веры Засулич.

Есть такая забавная история тех времен, когда наши марксисты группы Плеханова громили народников в великом споре о том, надо ли нам прыгать через кучи формаций или же нам надо создавать по полной программе все, что было в Европе 1500 лет, наблюдая, как разрушается русская община, а потом по новой ее воссоздавать. Шел великий спор, и наши правоверные марксисты, которые считали, что все должно быть закономерно, единообразно и молодцевато, призывали не цепляться за эту дурацкую общину, а дать ей распасться в соответствии с "Капиталом", и выждать, пока все население станет пролетариями. Так вот, наши марксисты решили еще дополнительным аргументом в споре взять авторитет основоположника и духовного вождя. Написали Марксу. Задали ему риторический вопрос, чтобы Маркс ответил им еще раз совершенно определенно: мол, никаких докапиталистических структур быть не должно, все они должны развалиться, чтобы наступил клинически или химически чистый капитализм.

Засулич спросила: "Надо ли нам разрушать общину, институты прошлого и ждать, пока капиталистическое будущее вырастет органично, пройдя все полагающиеся по теории этапы становления? Или как?" Вопрос был риторический, она хотела в споре с этими эмпириками-народниками получить теоретическую поддержку Маркса, прикрыться его авторитетом. Но стареющий муж науки, который, похоже, забыл, где зад, а где перед, написал ответ, из которого явствовало нечто противоположное тому, что хотели услышать наши марксисты. А именно он написал, что есть надежда в той или иной форме использовать докапиталистические структуры, которые сохранились в России, да и какой смысл все это разрушать, если оно в себе несет отпечаток первичной формации. Зачем ползти через всю вторичную туда, а потом через ее отражение обратно, если в результате снятия отчуждения опять вернемся в первичную? В архаичном социуме надо как-то сразу возрождать первичную формацию на новой производственной основе, минуя вторичную. Они спрятали его письмо, за что и понесли страшную кару. Мы говорили про то, что Ленин все время интуитивно чувствовал необходимость получить подлинные рукописи Маркса из архивов немецких социал-демократов. Послал Рязанова, Рязанов привез все, что надо, но Ильич не дожил, помер, а Рязанов, бегал, потрясая черновиками ответов Вере Засулич, кричал: "Признавайтесь, вы получали, получали?!" Они же отрицали этот факт, за что их история жестоко покарала. Георгий Валентинович успел налюбоваться на плоды трудов своих и помер в бесчестии. Оказывается, уж если общественным обвинителям братья за Ильича, – на Ильиче не надо останавливаться. Глубже, глубже! Надо уж до группы "Освобождение труда" доходить. Это они начали все с обмана.

9. Ленинская доктрина предопределения

Чернышев: И вот возникает такой поразительный клубок противоречий, где фигура Ленина трагична с самого начала до конца, и выясняется, что он пал жертвой классической католической парадигмы грешника, который осужден свыше быть грешником, несмотря на то, что он в душе бы не прочь и благо сотворить. Он хотел, хотел счастья, но он оказался в стране, которая обречена, не останавливаясь, скакать через пропасть в несколько формаций, но при этом в такой стране, которая для скачков достаточного творческого потенциала не имеет. Вот уже парадигма. Значит, скакать можно, только наняв нечистую силу для этой цели, с кровью, путем революции, в соответствии с мыслью Бердяева, что только силами зла добро в нашей несчастной стране могло как-то попытаться осуществить себя, потому что сил добра было явно недостаточно.

Слыша постоянно от оппонентов, что условия не созрели, что идти вперед – преступление, что надо ждать 200 лет, что еще не смололась мука, он должен был выбирать одно из двух зол. Либо ничего не делать и признать, согласиться, что в этом обществе, – в котором, как он понимал и доказывал, закономерно можно захватить власть этому самому пролетариату и чего-то делать, – в этом обществе ни в коем случае делать этого нельзя. Потому что оппоненты, наука, чистый марксизм, письмо Маркса, которого он не видел, – они все говорили, что только страшные силы

зла могут, будучи выпущены на волю, что-то сделать, а они выйдут наружу неизбежно. Либо надо было идти вперед и говорить, как он писал: "А почему мы не можем, собственно, сначала захватить власть, а потом уже начать доделывать то, что там не доделалось?" И, принимая решение, он должен был брать на себя эту громадную ответственность и брать заведомо страшный грех на душу, потому что совершенно ясно было всем, что все равно придется создавать какую-то гигантскую мясорубку, все равно придется ломать.

Что касается теории, то материала для разработки теории этого скачка он решительно не имел, потому что все, что можно было найти, содержалось в рукописях раннего и позднего Маркса, которые до Ильича не дошли, хотя он пытался их получить. И в общем-то получалось, что как он ни старался сделать хорошо, – любить детишек, уважать печников, раздавать красногвардейцам рукавички, – он был обречен сделать то, что сделал. Потом, по ходу дела, к нему все время приходило осознание ужаса происходящего. Он пытался корректировать линию, он был разумный, незлой человек, всячески старался исправляться. Он пытался загнуть эту фатальную линию в другую сторону, отклониться от кровавого великого перелома. Попытался начать выпускать на свободу все экономические формы, которых нам не доставало... Но было поздно, потому что он запустил могучий инерционный механизм, а наемная армия демонов вышла из-под его контроля. Когда она под его руководством творила зло, – все было прекрасно, черти потирали копытца и говорили: «Отлично, прекрасно, мы тоже так считаем», с радостью шли на баррикады. Отечество в опасности? – отлично, к стенке. Все на борьбу с Деникиным? – прекрасно, ты не идешь на борьбу? К стенке. Продразверстка – великолепно, накормим рабочих, кулаков с середняками – к стенке... А как только он начал какие-то загибы устраивать, каких-то частничков, какую-то инициативу на волю выпускать, могучая армия сказала: «Стоп, нас нанимали не для этого. Получите, пожалуйста, в соответствии с заказом».

Криворотов: По полной программе.

Чернышев: И возникает безысходная фигура злодея-мученика, взывающая о теодицее. Зачем бог это сотворил? – его ведь поставили в такие условия, когда он не мог не быть злодеем. Он ожесточенно отбивался, особенно в последние годы, он сделал все, что мог, – а, собственно, он ничего не мог, он мог только попытаться искупить зло ценой своей жизни, мучений.

Криворотов: Он мог нанести удар по партии.

Чернышев: Она выдержала бы.

Криворотов: Я думаю, что он, во-первых, по партии удар вряд ли нанес бы, скорее по себе, что, собственно, и было. Во-вторых, даже если бы он нанес удар по партии, я думаю, в этой ситуации это все бы как-то сдемпфировали, сказали бы, что он переутомился просто, упрятали бы его в больницу, сказали бы, что он был хороший, хороший, – а потом враги подсыпали приворотного зелья...

Чернышев: Получается почти библейская история. Человек осужден быть грешником, – но он настолько был талантлив, настолько силен, могуч, он был как полубог, а после смерти оказалось, что почти бог... Он аки Прометеус вступил в борение с силами рока и всячески пытался исправиться, все-таки как-то преобразовать свою роль в пьесе в положительную. Но это была безнадежная игра гениального артиста, который играет злодея и очень хочет, чтобы его полюбила публика, или хотя бы часть публики, и он показывает, что злодей мечется, страдает, что он не хотел, что он силой обстоятельств не может выйти из роли... В рамках роли он делал почти все, что мог. Он умер, трагически страдая, или – это еще более серьезно: он искупил свой грех, который, казалось бы, и не собирался брать на душу, ценой мучительной смерти и трагического одиночества. Но тогда возникает вопрос: зачем история породила эту фигуру? Живой пример для постановки проблемы оправдания Бога. Что же такое творят силы небесные, за что мучают человека хорошего?

10. Основатель династии Ульяновых

Криворотов: На этот-то вопрос ответ в принципе может быть дан, и он состоит в том, что, начиная с некоторого момента, часть российской образованной элиты начала уходить в революцию. Почему? В каком-то смысле это происходило потому, что фактически достаточно традиционные установки русской культуры, связанные хотя бы с Третьим Римом, царством божьим, мессианством, устройением справедливости и т.д., через бюрократический

государственный аппарат перестали внедряться. А ведь русский бюрократический аппарат был в достаточной степени и довольно долго революционен, революция-то шла все время сверху. Последним актом такого рода явилось освобождение крестьян, но и до этого, в общем, предпринимались разного рода шаги достаточно серьезные. Но вот начиная с некоторого момента получилось так, что основная доминанта русской культуры разошлась с самодержавием, с государственным аппаратом, и часть этой интеллигенции ушла в революцию, стала контрэлитой, как бы на стороне народа, который воплощал в своей борьбе традиционные ценности. Собственно, эта контрэлита была в каком-то смысле обречена, по крайней мере, та часть, которая в себе воплотила стремление этих масс. Какие были эти массы? Естественно, далеко не все население. Речь идет о традиционалистских маргинальных массах, которые в эпоху перелома притекают из деревни, и эта интеллигенция возглавила движение маргинальных масс, фактически сама оказавшись на периферии. В этом смысле тип Ленина – это тип классического русского реформатора, он ничем не отличается от Петра.

Есть два довольно отчетливо различающихся типа революций, которые по-разному протекают: революция в западном обществе и в восточном обществе. Классический пример революции западного типа, – то есть когда идет борьба сословий за выход на политическую поверхность, борьба третьего сословия, в частности, – это Французская революция. Мы это более или менее знаем, хотя далеко не до конца осознаем. В революции этого типа есть своя, довольно четкая механика: некие силы бродят и поднимаются, как тесто, под их напором крышка квашни сдвигается, и они прорываются на поверхность. А есть революция другого типа, восточного. Можно указать, например, на Китай, где она укладывается в теорию династических циклов. Это циклическая революция. Рано или поздно согласно мифологеме император теряет мандат неба, становится просто плохим: не заботится о своих подданных, жить становится все тяжелее – естественно, подданные начинают бастовать, возникают большие беспорядки в Поднебесной, и эти поднебесные беспорядки выносят на поверхность новую фигуру, которая получает мандат неба. Это классическая парадигма рециркуляции элит. В Китае все точно по этой схеме и происходило.

Система просто впитывает свежую кровь, при этом оказывается, что консервативные нормы в наибольшей степени распространены на периферии, собранные в образ справедливого императора. Когда они девальвируются в высших слоях, то прорастают через низшие слои, и эта ситуация, как показывает опыт, достаточно устойчивая. Нельзя сказать, что здесь нет совсем никакого развития, но, в общем, цикличность схемы налицо. Таким образом, это бунт, смена плохих начальников на хороших. Русская революция имела черты и той, и другой. То есть были социальные слои типа третьего сословия – к числу их можно во многом отнести крестьянство, в значительной степени уже вовлеченное в рыночную структуру, – все эти слои, пятнистые от огромного количества родимых пятен, прорывались на поверхность. И были другие силы, связанные с этой революцией: классические социал-демократы разного типа и много, много всего разного. Но с другой стороны, имелась и структура классической восточной революции. Были массы обездоленных – пороховой погреб, социальные идеалы которого исчерпывались тем, что он просто стремился протолкаться в приличное общество. Плохой царь должен был заменяться на хорошего царя, а идеал при этом по сути не затрагивался. Он лишь рядился в различные одежды: большевизма, коммунизма... Но это все какие-то слова, которые либо ложатся в систему представлений маргинала, довольно примитивных, либо не ложатся. Были две такие структуры, они столкнулись: большевики и Ленин во главе большевиков – это были люди, которые фактически встали на острие восточной революции. Историческая роль Ленина, по крайней мере до НЭПа, была именно такой. Он фактически служил мостиком преемственности классического русского самодержавия. Царская династия Романовых потеряла мандат неба и дискредитировала себя в глазах многих, следовательно – должна была измениться на совершенно другую, хорошую династию.

11. Орудие несовместимых потребностей

Криворотов: Революция в конечном итоге на чем споткнулась? На модернизации. На этом скачке, о котором ты говоришь. Знаешь, как идет товарный поезд? Нет рельсов – он должен перескочить через это пространство, его не остановить. Кто-то выбегает и подкладывает под него

эти рельсы. То есть такая фигура возникла для того, чтобы локомотив русской цивилизации двигался вперед. Она воплотила в себе черты классического реформатора, соединив их с европейской доктриной, что, в общем, тоже достаточно традиционно. Петр ввел модернизацию, исходя из идей, которые блуждали в те времена в Европе.

Чернышев: Тогда не было материалистического понимания истории.

Криворотов: Каждое время имеет свои идеи, но можно сказать определенно, что Ленин воплотил в себе нечто, бывшее как бы помимо него. Другое дело, конечно, развитие могло пойти по-иному. Фактически, все эти большие беспорядки в Поднебесной были связаны с кризисом империи, который был обусловлен появлением нового крестьянства, капитализацией страны, – локомотив мог повернуть по другому пути, и он заворачивал уже по другому пути. Но, с точки зрения классической формы движения, Россия, все это, было буржуазным безобразием, насилием над культурой, над русской цивилизацией, и в этом смысле Ленин выглядел вполне понятным образом, как его народное сознание воспринимало. Вот, сидит былинный герой где-то на Валдае, думает, как принести справедливость. Уже роль, место были заготовлены для него. Когда все общественные силы сойдутся на этом месте, то в конечном итоге среди лидеров революции рано или поздно выковывается такой человек. Была же целая серия прототипов: Нечаев, народовольцы, параллельно с этим шла европейская, марксистская традиция, они соединились в лице Ленина – у него очень богатый генезис.

В общем, он был действительно фигурой, которая родилась готовой, он был как бы специально порожден "под задачу". Он как квант, как электрон вынырнул из небытия, и вот он встал на своем месте и совершил, что положено. Другое дело, что при этом он еще был человеком очень сильным, ровно потому он там и проявился и очень быстро выяснил, что все, что было сделано, просто нежизнеспособно, т.е. пришло в противоречие с основными исходными постулатами, ради которых это все делалось. Средство вошло в противоречие с целью. Оказалось, что к социализму, понимаемому как нетоварное общество, надо идти через какие-то гекатомбы трупов. Непонятно, как это все можно сделать – только всероссийской мясорубкой, как ты говорил раньше. Здесь он смог дать, – или, по крайней мере, был такой длительный период, когда он пытался дать, – обратный ход. Я бы даже сказал, что это был не обратный ход, это была борьба с собой: понимание того, что происходит, сильное внутреннее разрушение. Но когда выяснилось, что то, с чем шли на баррикады – просто нонсенс, т.е. это противоречит гуманной, в принципе-то, стороне того, чем является социализм...

12. Русский истмат

Чернышев: Понимаешь, есть еще изнанка у вопроса, который я пытаюсь задать все время: был ли этот человек обречен на такую судьбу с самого начала? есть ли предопределение? есть ли теодицея? Можно это в разные стороны поворачивать: к богу – теодицея, к человеку – обреченность, рок... А если повернуть к стране, то это тот же самый вопрос, который все задают: закономерный ли это путь? Обязательно ли вот здесь это должно было случиться, обязательно вот так, обязательно ли такое количество трупов, – или были там какие-то случайные элементы? Каковы элементы случайности? Обязателен ли был военный коммунизм? Обязательно три года, четыре, обязателен Кронштадт? Обязателен НЭП, что в этом было закономерного, какова здесь мера случайности и необходимости? Ведь по большому счету, если говорить о таком прорыве в малоразвитой стране, которая должна сразу куда-то прыгнуть, где нет ни творческих сил, ни теоретической культуры, ни экономических укладов, и нет никакого внешнего источника помощи, где просто используется кем-то факт того, что низы в очередной раз взбунтовались и вынесли наверх кого-то, а этот кто-то вдруг оказался в отличие от Петра I вооруженным материалистическим пониманием истории, – в такой стране ведь совершенно закономерно должно все это происходить через кровь, через какие-то ужасы, провалы.

А потом – отсутствие возможности что-либо изменить. Они должны были, взяв власть, толочься на месте, на трупах, пока "с той стороны" с испугу не возникнет подлинный субъект снятия частной собственности и не создаст формы обобществления, формы общественной собственности и причитающиеся им производительные силы, потому что с этой стороны, в архаической и разоренной стране, они никак сами не создадутся. Тогда выходит, что в целом это все, с точностью до деталей, обречено быть именно таким? Детали могли быть разными.

Кронштадт мог быть в 20-м, а не в 21-м году, трупов могло быть 20 миллионов, 15 миллионов. Но в целом получается, что это совершенно неизбежная жертва на алтарь социальной эволюции – как динозавры взяли и вымерли, но вроде как-то и без них обойтись нельзя было.

Криворотов: Конечно, здесь есть элемент очень сильной предопределенности: конечно же, социализм в такой стране – это нонсенс, это было обречено с самого начала. Нет ни производительных сил, ни опоры никакой – нет социальных оснований.

Чернышев: Это правильно, но с другой стороны получается, что он закономерно должен был начаться именно в такой многоукладной стране, потому что здесь он имел хоть какие-то шансы на успешный старт, – только здесь можно было прорваться к власти, а там, где капитализм давно укоренился, все наглухо заблокировано.

Криворотов: Здесь есть элемент предопределенности, что ничего конструктивного здесь выйти просто не могло, и все абсолютно грамотные люди это понимали. Расчет был как будто на какую-то игру. Все время принималась в расчет какая-то политическая игра. Мы как-то сделаем так, что стабилизируем среднее крестьянство, как Бухарин предполагал, еще чего-то сделаем... – а революция произошла фактически на пустом месте. 17 год – это вещь абсолютно закономерная, связанная с получением земли крестьянами, с эсеровским Декретом о земле. А дальше уже шла игра, причем игра совершенно жуткая.

Чернышев: Безвыигрышная, я бы сказал.

Криворотов: У большевиков никакой социальной опоры, ну никакой вообще. После этого начинается политическая игра, тактические "перескоки" с одного на другое. Внезапно декретируется военный коммунизм и ограбление крестьянства. Крестьянство массами перебегает на ту сторону. Большевики при этом говорят: "Никуда не денетесь, придете к нам, мы подождем". Ждут. Идет Гражданская война, пружина сжимается, сжимается, сжимается. Когда уже фактически победа белых армий становится более или менее вещью осязаемой, белые начинают ликвидировать Декрет о земле. Основная масса крестьян начинает перебегать к красным. Этим молотом прокатываются по белым. Крестьяне, получая Декрет о земле, получают одновременно с ним и военный коммунизм. Когда они начинают откатываться назад, к меньшевикам и эсерам, когда возникает демократическая контрреволюция, Кронштадт этот самый сакраментальный, бунты по всей стране, – им бросают в качестве кости НЭП...

Игра на качелях, когда реально никаких слоев, поддерживающих политику большевиков, просто нет. А кто есть? А есть люди обездоленные, готовые пойти за любой силой, которая даст им социальный статус, даст им место в обществе. Бедняки в деревне, какой-то полупролетариат в городе, который является взрывчатой смесью. Он пойдет на разрушение ради того, чтобы приобрести какой-то социальный статус, кем-то стать, каким-то начальником. Такая начинается игра. Потом, когда, наконец, возникает НЭП, возникает осознание у Ленина, что происходит. Это осознание идет, идет, идет, пока не приводит фактически к саморазрушению. В каком-то смысле он действительно католически-трагическая фигура. То есть сначала грех, а потом просто неотвратимость наказания за этот грех.

13. В эпицентре исторической дефлорации

Чернышев: Да и что за грех? Вроде же он ничего плохого не имел в виду. Если бы он просто рвался к власти, силам зла было бы все понятно: мировое господство? – какие вопросы, очень приятно слышать, все нормально. Но ведь речь-то шла об устройении рая на земле, царства справедливости... Получается то самое, о чем мы говорили вначале. Он оказывается частью той знаменитой силы, которая вечно хочет блага, но вечно совершает зло. Этот вопрос для нас страшно важен по той банальной причине, как я уже говорил, что этот вопрос вообще-то о нашей стране. Получается, во-первых, Всевышний предписал, разобравшись в материалистическом понимании истории, что прорыв должен будет осуществиться именно в этой многоукладной структуре, как поздний Маркс и предвидел, а во-вторых, у нас не было никаких шансов сделать это во благо, – просто делается прорыв, человечество насильно лишают невинности, и наша несчастная страна оказывается эпицентром этой исторической дефлорации... Потом мы долго бьем сами себя, сами себя едим, сами себя уничтожаем, а тем временем с той стороны возникает субъект исторического развития, начинается позитивное движение вперед, а наша роль – пострадать за человечество, рванув рубаху с кожей, костями, ребрами. В другом месте это

произойти не могло, мы обязаны были начать, и мы начали, а дальше выяснилось, что опоры нет, сил нет, осталось только метаться туда-сюда, маховик покатился. Дальше отобилизованные силы зла, не потрудившись выяснить, во имя каких именно благих целей их призвали под ружье, по дороге потеряв того, кто, собственно, мог им это все сообщить, прокатившись катком по нему самому, начали действовать, – и уже дальше благо существовало в очень странной форме "светлого будущего", для которого, чтобы оно наступило, надо было ломать все настоящее, истреблять врагов народа, сокрушать препятствия.

Криворотов: Вспомни тезис Кропоткина о революции как о том, что не приносит ничего хорошего стране, в которой это все происходит, но оказывает своим течением, своими уроками, действительно реальное воздействие на весь остальной мир. То же самое произошло и с Французской революцией, абсолютно то же самое. Ведь Франция от своей революции пострадала ужасно. Фактически биение этих всяких постреволюционных событий продолжалось до Франко-прусской войны, до Наполеона III, он был наследником этого периода. Франция задержалась в развитии и фактически стала выправляться только после Второй мировой войны. Там многие архаические социальные структуры дотерпели до сегодняшнего дня. Тем не менее, Французская революция дала толчок процессу буржуазных преобразований в Европе.

Чернышев: Понятно, опять в Европе, а не у себя. В этом смысле Франция пострадала от революции, а все остальные приобрели. Конечно, то, что у нас стряслось в 17-м году и происходило в первую половину века, сильнейшим образом повлияло на лицо мира. С. Платонов и многие другие считают, что в итоге во многом это повлияло на становление посткапиталистического современного общества. Как и всякая революция, в конечном счете она играет некую освободительную, где-то прогрессивную, где-то иную роль, но все это справедливо по отношению к кому угодно, кроме нас. В нашем случае все это больше похоже на национальную катастрофу. Поэтому, когда мы смотрим на эту фигуру, надо отдавать себе отчет, с какой точки зрения мы смотрим. С точки зрения всего благодарного человечества, которому приходится кроме наших десятков миллионов ГУЛАГа сталкиваться и с полпотовщиной, с другими вариантами геноцида, эта фигура будет выглядеть совершенно не так, как с точки зрения нашего народа, особенно русского. И та, и другая точка зрения совершенно правомерна. Надо лишь четко представлять, с какой колокольни мы на него смотрим. Ибо то, что является хирургической операцией, производимой силами зла над телом какого-то этноса, может этот этнос просто убить, может его затормозить, может его глубоко ранить, но в системе множества этносов это может быть манифестацией свободы, освободительным прорывом будущего в человеческую историю.

Тогда получается, если резюмировать, что мы начали первыми закономерно, формы были закономерны, Ильич все делал закономерно... и вроде выходит, что мы закономерно осуждены как страна на такую странную, дурацкую роль: пострадать за мир, – то, что всегда нам приписывают в качестве нашего идеала или исторической миссии. Первый застрельщик, первый боец – всегда жертва по Гончарову, т.е. мы должны были первыми выпрыгнуть из окопа, заорать, и при этом еще застрелиться.

Криворотов: Ну, то есть показать, что прорыв возможен.

14. Тунгусский Мавзолей

Чернышев: Ленин, русский социализм – это вечный вопрос, обращенный к небесам, новый вариант Иова. Какой-то странный героизм, подвиг и страдания, на которые мы закономерно обречены независимо от собственного желания. Здесь все упирается в то, что это вообще вряд ли выразимо в рациональных терминах. Но ведь и раньше люди сталкивались с такими вещами: вот Христос, он сын Божий, но при этом он обречен, Бог его послал на землю и обрек на страдания и смерть. Эта ленинская фигура похожа на призрак: пытаешься ухватить черты конкретного человека – и вечно утыкаешься в вечные вопросы...

Известна в физике великая загадка Тунгусского метеорита. Что-то там прилетело, ахнуло, хряпнуло, лес повалило насколько глаз хватает, возникла дымящаяся воронка, все видели, надо всей Европой небо светилось, мигало, мировая погода испортилась. И вот сотни и тысячи исследователей с рюкзаками, с колбасами копчеными устремляются к эпицентру этого события и ищут, понятное дело, громаднейшую каменюгу, с невиданно-блистающими гранями, острыми углами, которая, дымясь, лежит в центре. А обнаруживают в лучшем случае, – когда болото

просеяно через самые мелкосетчатые ситечки, – какие-то сомнительные конкреции: то ли это комариный кал, то ли космическая пыль... Метеорита нет. Но лес повален, – это налицо, событие было грандиозное: шаракнуло, рвануло и т.д.

Я совсем в другую сторону повернуть хочу. Я не хочу сказать, что не было глыбы, – ничего подобного. Но надо смирить нашу естествоиспытательскую гордыню перед этой фигурой, потому что все, кто брались и берутся ныне рассуждать о том, что это был за человек, что за фигура-загадка, – терпят позорнейшее поражение, как и мы с тобой. Так скучно то, что мы наговорили – именно потому, что это пока всего лишь первые убогие попытки разобраться в масштабе события. Загадка Ленина никакого отношения не имеет к вопросу о том, был ли человек по имени Владимир Ильич хорошим или плохим, – это загадка нашей революции, нас самих, национального характера и истории. И вообще, какого бы масштаба события, какую бы абстрактную модель мы не взяли, – мы вдруг выясняем, что эта фигура является образцово-идеальным примером для иллюстрации. Как бы мы ни размахивались по шкале истории с 17-го года и до Пунических войн, обязательно выясняется, что данная фигура – уникальный пример для разбирательства именно этой модели, этой коллизии, этого вопроса. Если мы берем бердяевскую философию истории, мы там всюду обнаруживаем Ленина. Если мы берем теодицию и проблему предопределения, придумать лучший пример, чем Владимир Ильич – трудно.

Я опять-таки не выражаю того, что ощущаю, просто чувствую, что мы позорно убоги и примитивны в наших жалких попытках с нашими плоскими суждениями к этой фигуре подойти. Взять ее, скинуть с корабля перестройки? – господи, смешно, да весь корабль – мелкий эпизод в том действе, что затеяла фигура. Сейчас какие-то интеллигентишки начнут кричать, исходя из эстетических соображений, что Ленин им не нравится. Начнут его сковыривать, потом кто-то его будет восстанавливать. Эта возня только-только начинается. А на самом-то деле нам лишь недавно разрешили свободно подумать (втайне запершись в туалете): а кто же был этот человек? Два с половиной дня назад нам разрешили об этом думать, а фактов для этого нам пока еще не дали. Начинается грандиозное восхождение к этой фигуре, которая в общем-то, как Тунгусский метеорит, сама по себе, в своей человеческой плоти не имеет никакого значения. Может, через 200 лет будет развита теория, блестящая, остроумная и хорошо аргументированная, что не было никакого Ленина, это все миф, не существовало такого человека.

А что за этим стоит? Какие силы в этом скрещении сошлись? Потому что есть серьезнейшее подозрение, что перелом в истории, который происходит в связи и вокруг 17-го года, – это поворот, подобного которому со времен австралопитеков не было, что вся предыстория, начиная с волосатых людей, завершается тем, что происходит именно сейчас. Сегодня происходит грандиозный слом, тектонический сдвиг развития, открывается следующий этап. Мы начинаем думать об истории и выясняем, что Ленин с ней тоже что-то пытался делать. Мы здесь всего лишь одни из бесчисленных обнаглевших интеллигентишек, которые, зная полтора факта и дерзнув помыслить об этой фигуре, стали колупать с краешку грандиозную и загадочную пирамиду и отколупали первый кусочек...

Правда, по ходу дела, творя миф, мы выясняем, что творим миф о себе, о нашей стране, о русской революции, о XX веке, о неокapитализме, обо всем на свете, – и все отталкивается от этой фигуры. А она будет все время ускользать, уходить, исчезать. Она как фигура будет терять значение. Что там лежит в Мавзолее? Это никого не будет интересовать. Все трагедии вокруг нее сконцентрированы, но сама в себе она вообще ничего не заключает. Поскольку это человек, жизнь и судьба которого является примером для всего на свете, для любой коллизии, любой теории, любой истории, – вроде бы его тем самым и нету, это пустая абстракция, пустота. Поэтому я призываю смирить гордыню и ощутить, перед какими вопросами, перед какой проблемой мы находимся.